

30.03.2015, 13:55 Мурманская область

ИНТЕРВЬЮ

Руслан Хубаев: «Быстрого и эффективного вытеснения с Манежной площади не получилось»

Освобождение в конце января 2015 из колонии Руслана Хубаева, активиста «Другой России», осужденного на 4 года за участие в беспорядках на Манежной площади в декабре 2010 года, прошло незамеченным для СМИ. После освобождения, Хубаев дал пока только одно интервью газете сторонников Эдуарда Лимонова «Тотальная мобилизация», в котором рассказал о своих политических взглядах, а также о суде и жизни за решеткой. ОВД-Инфо захотел узнать больше подробностей о «Манежном деле».

Почему ты решил пойти на Манежную?

— Я на суде это излагал: у разных людей разные интересы — кого-то интересует жизнь насекомых, а я вот увлекаюсь жизнью как таковой. В том числе, общественной жизнью. На массовые мероприятия хожу на все, до которых могу дойти. Не всегда участвую, чаще —

просто интересуюсь. Поэтому на этот вопрос можно ответить кратко: из любопытства. Хотя и свой взгляд на произошедшее у меня тоже есть: меня не может не касаться то, что мирных жителей в столице моей страны расстреливает безнаказанно банда отморожков.

Как развивались события на площади, как началась конфронтация с полицией?

— Здесь я не могу быть объективным, потому что находился в массе, а не следил за процессом со стороны. От отдельных нетрезвых личностей из толпы поначалу были какие-то агрессивные действия — кидали бутылки пивные, еще что-то, но плотно бронированные бойцы от этих предметов не сильно страдали. Многие выкрикивали «ОМОН — позор России» и подобные кричалки. Мусора в громкоговорители требовали разойтись. Толпа требовала мэра. Короче, ситуация накалялась. Потом какой-то инвалид одноногий на костылях (его потом допросили на суде) хотел выйти с площади, но его не выпустили за оцепление, омоновец его толкнул, тот выронил костыли. Из толпы человек 10–20 рванули на помощь инвалиду, омоновцы сочли это за нападение и стали всех дубасить дубинками, оттеснили толпу на несколько метров, встретили яростное сопротивление (тогда-то новогоднюю елочку и разобрали на метательные предметы) и отступили назад. Дождались подкрепления и с третьей попытки вытеснили митингующих с купола ТЦ «Охотный Ряд». Потом приехал начальник ГУВД Москвы Колокольцев, пообщался с толпой, выслушал проклятия и послы в различные места, наобещал компетентное расследование убийства Свиридова и отсутствие репрессий в отношении задержанных. После этого народ стал массово расходиться. Казалось бы, почему бы Колокольцеву было не выйти к народу с самого начала? Сколько крови можно было бы избежать!

Как ты оцениваешь происходившее там?

— Собрались люди заявить свой протест. Были среди них отдельные группы, но основная масса людей была не организована и настроена негативно по отношению к представителям власти. Кто-то отдал приказ ОМОНу вытеснять толпу с площади. Этот «кто-то» не имел представления о количественном и качественном составе участников этого стихийного митинга, поэтому быстрого и эффективного вытеснения не получилось, а получилась долгое противостояние со множеством пострадавших.

Действительно ли события на Манежной пытались привязать к «Стратегии-31» и «Другой России»?

— Через пару часов после событий на Манежной я смотрел новостной сюжет по ТВ, где министр внутренних дел Рашид Нургалиев четко сказал, что в произошедшем виновны левые радикалы. Аналогичные заявления на публику звучали от должностных лиц (в том числе, от директора СК РФ) и в ходе предварительного следствия, и во время судебного процесса. Наше обвинительное заключение в шести томах начиналось со слов: Березюк, Унчук, Хубаев, являясь активными членами незарегистрированных политических организаций «Другая Россия» и «Стратегия31», которые ставят целью своей деятельности отмену разрешительного порядка проведения массовых мероприятий....». Доказательствами нашей вины отдельным постановлением руководителя следственной группы были признаны программные документы партии, агитационные листовки «Стратегии 31» и даже книги Эдуарда Лимонова, изъятые у меня при аресте и в ходе обысков у московских активистов партии.

Почему задержали из нацболов именно тебя, Игоря Березюка и Кирилла Унчука?

— Потому что никаких иных нацболов не смогли приплести при всем желании, хотя очень хотели.

Как развалилась версия о «нацболах — организаторах беспорядков»? Только благодаря отказу от показаний **Ильи Кубракова репрессии не коснулись большего количества другороссов?**

— Такая версия муссировалась публично прессой и руководителями силовых структур (в том числе, Нургалиевым и Бастрыкиным), что можно расценивать как давление на общественное мнение, следственные и судебные органы. Однако никаких обвинений в организации нам предъявить не могли, и такая версия в суде и не рассматривалась даже. Илья Кубраков отказался от своих первоначально данных показаний спустя год после Манежки, когда были допрошены и привлечены все, до кого могли дотянуться следователи. Показания Кубракова касались только Березюка и никого более.

На Манежной, помимо конфронтации с полицейскими, было немало избиений и просто людей неславянской внешности. Действительно ли нападения на них не расследовались вообще?

— Действительно это так. В процессе ознакомления с материалами дела я просмотрел десятки часов видео. На многих кадрах видны лица тех, кто избивал пятерых 15-летних подростков. Я читал показания этих ребят — их признали потерпевшими по нашему делу. Но никаких следственных действий, направленных на установление этих лиц я не обнаружил ни в одном из 22 томов уголовного дела.

Какие основные нарушения можешь выделить в ходе следствия и в ходе суда?

— Таких нарушений миллион! Следствие ограничило меня в сроках ознакомления с материалами дела — таким образом, я не смог в достаточной мере подготовиться к процессу. Моему адвокату, вошедшему в дело накануне суда, не было предоставлено время для ознакомления ни следователем, ни судебной коллегией — гнали процесс, торопились вынести приговор к определенной дате (в один день с убийцами Егора Свиридова), в суде по этой же причине обрывали мои выступления на полуслове. Суд отказал мне и Унчуку в праве привлечь к процессу общественных защитников, отказал стороне защиты без каких-либо внятных оснований в удовлетворении целого ряда ходатайств: проведении дополнительных экспертиз, вызове в суд свидетелей для допроса (речь не только о должностных лицах, но и о простых участниках митинга или прохожих, ранее уже допрошенных на предварительном следствии), об оглашении целых томов уголовного дела (таким образом, я не мог в прениях сослаться на эти материалы), об удалении из зала некоего Иванова — зам. начальника московского ОМОНа, который сидел на передней скамье рядом с трибуной и громким шепотом (нам было слышно) подсказывал и давил на потерпевших и свидетелей обвинения. Самое же главное — суд отказался вести аудиозапись процесса и приобщать к материалам дела аудиозапись, сделанную защитой. Надо ли объяснять, что протокол судебного заседания был в значительной мере искажен, а все подсудимые-нацболы в ответ на кассационные жалобы получили из Тверского суда отписки о том, что, мол, нечего сослаться на несуществующие показания свидетелей, потерпевших и свои собственные.

Чем отличались следственные действия в отношении вас, обвиняемых-нацболов, и обвиняемых «беспартийных»?

— Ничем особенным не отличались. Отличались позиции нацболов и остальных подсудимых, которые частично признавали свою вину и сидели на суде с видом кающихся грешников. Мы же считали и считаем, что в беспорядках на Манежной площади виновны сотрудники и руководители силовых структур.

Как к тебе относились тюремщики в СИЗО и в колонии?

— Сотрудники администрации ИК удивлялись столь пристальному вниманию ко мне областного управления ФСИН и правоохранительных структур. С их точки зрения, я идеальный зэк: не пью, не употребляю наркотики, не играю в азартные игры, не участвую в криминальных разборках, вежлив в общении, неконфликтен и т. д. Они же меня и спрашивали, за что меня в СУС (строгие условия содержания — ОВД-Инфо), в БУР (барак усиленного режима — ОВД-Инфо) посадили? Я отвечал: наберите в «Яндексе» мою фамилию. А в московских СИЗО к политическим уже привыкли, их этим не удивишь, да и дело наше было на слуху у всех. В целом, нормально относились, кто-то даже с симпатией. В СУС меня закрыли через три месяца после приезда в лагерь — 05 сентября 2012 года. В БУР — за три с половиной месяца до звонка, 13 октября 2014 года.

Манежное дело

2 6